УДК: 81’374

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ГОТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ДЖ. КОУ «КАКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО!»

Е.Н. Елина (Красноярск)
Е.А. Штейнгарт (Красноярск)

Аннотация

Постановка проблемы. Кодирование имплицитных смыслов художественных произведений часто осуществляется авторами за счет определенных лингвистических и литературоведческих приемов. Исключением не является и роман Дж. Коу «Какое надувательство!», в котором автор мастерски использует комбинацию элементов готической традиции, в частности готическую доминанту пространства как проекцию современного урбанистического ландшафта, несущую важную текстовую и смысловую нагрузку, и стилистических средств, реализующих эту готическую доминанту. Объективация стилистических средств, с помощью которых автор репрезентирует готическую доминанту пространства и кодирует имплицитные смыслы произведения, обусловливает актуальность исследования.

Цель – выявление стилистических средств, объективирующих готическую доминанту пространства как проекцию современного урбанистического ландшафта, и определение их функционально-смысловой значимости в кодировании имплицитных смыслов автором в романе «Какое надувательство!».

Обзор научной литературы показал значительное количество исследований по проблеме готического романа, небольшой объем научной литературы по лингвистическим особенностям данного романа. Комплексный анализ стилистических средств, объективирующих готическую доминанту пространства как проекцию современного урбанистического ландшафта в романе, отсутствует. Исследование является попыткой восполнить пробелы в исследованиях в этом научном направлении.

Методологическую основу исследования составили такие научные направления, как лингвостилистика, когнитивная лингвистика и литературоведение.

Результаты исследования. Выявленные стилистические лексическо-фонетические и синтаксические (метафорические конструкции, олицетворения, эпитеты, гипербола, оксюморон, аллитерация, антитеза) средства использовались автором романа для создания готической доминанты пространства как проекции современного урбанистического ландшафта с целью кодирования определенных имплицитных смыслов.

Выводы. Анализ комплекса стилистических средств, объективирующих готическую доминанту пространства как проекцию современного урбанистического ландшафта, выявил их функционально-смысловой потенциал как инструмента для конструирования автором романа имплицитных смыслов произведения, таких как отчуждение, анонимность и другие проблемы городской жизни в современном мегаполисе.

Ключевые слова: *готическая доминанта пространства, антитеза, метафорическая конструкция, олицетворение, эпитет, гипербола, оксюморон, аллитерация.*

Елина Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; email: elena-elina2008@yandex.ru
Штейнгарт Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; email: shteyngarte@mail.ru

Постановка проблемы. Актуальность данного исследования заключается в релевантности его проблематики, которая обусловлена, с одной стороны, устойчивым научным интересом к стилистическим средствам как носителям функционально-смысловой нагрузки в литературе в целом и в произведениях современных английских писателей в частности, а именно в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!» («What a Carve Up!»), а с другой – стремлением к выявлению стилистических особенностей объективации доминанты готического пространства как проекции современного урбанистического пространства, являющейся

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

не просто готическим антуражем, а активным языковым и стилистическим конструктом, с помощью которого автор романа кодирует имплицитные смыслы и ключевые темы романа.

Цель – выявление стилистических средств, объективирующих готическую доминанту пространства как проекцию современного урбанистического ландшафта, и определение их функционально-смысловой значимости в кодировании имплицитных смыслов автором в романе Дж. Коу «Какое надувательство!».

Основные методы исследования. Методы сплошной выборки, словарных дефиниций, стилистического анализа.

Материал исследования: постмодернистский роман Джонатана Коу «Какое надувательство!» (J. Coe, 2014)[1] на тех основаниях, что произведение характеризуется как семейная сага и политическая сатира, любовный роман и трагедия, содержит элементы детектива и готической традиции [Храмова, с. 317–321]. Справочным материалом для стилистического анализа послужили следующие словари: Cambridge Dictionary[2], Longman Dictionary of Contemporary English[3], Oxford Learner's Dictionary[4].

Обзор научной литературы. Теоретической базой исследования стали работы по стилистике русского и английского языков – В.П. Москвина[5] [2006], Н. А. Купиной[6] [2013], И.В. Арнольд[7] [2016], Н.В. Баниной[8] и др. [2017]; по исследованию языковых особенностей стиля автора в английской художественной прозе и стиля как суммы различных обстоятельств – Дж. Лича и М. Шорта [Leech, Short, 2007], Дж. Лича [Leech, 2014]; по пересмотру стилистической терминологии с учетом социолингвистики, когнитивной лингвистики – К. Уэльс [Wales, 2014]; по функционально-смысловым характеристикам стилистических средств – Л.Н. Гиоевой [2008], Дж. Лакоффа, М. Джонсона [2008], Д.Ю. Каторгиной, О.Ю. Ромашиной [2018], Е.А. Черемисовой [2019], А.В. Гузовой и др. (2020), Э.С. Смбатян, И.А. Абакумовой [2020], О.В. Мурашкиной и др. [2022], В.А. Аверьяновой, О.В. Щербаковой [2022], А.В. Вилковой [2023], З.Н. Сиразиевой, Г.Ф. Дульмухаметовой [2024]; по готическим доминатам пространства – Д.С. Лихачева [1979], Б.Р. Нацпок [2016]; по элементам готики в романе Дж. Коу «Какое надувательство!» – Ю.А. Храмовой [2016]; по лингвистическим особенностям романа – Н.А. Шаровой [2006]; по выбору стратегий стилистических средств в готическом нарративе – Абу Анайн [Abu Enein, 2025]; по языковым и стилистическим изобразительным средствам репрезентации элементов семантики готической традиции в романе – Е.Н. Елиной, Е.А. Штейнгарт [2026] и др.

Обсуждение и результаты. Готический роман, зародившийся в XVIII в., отражал борьбу между Добром и Злом, а также темные стороны человеческого сознания, сочетая ужасное, мистику и романтику. В современной британской литературе мотивные комплексы готической традиции и приемы готической техники повествования широко задействуются в различных литературных жанрах для создания атмосферы предопределенности и напряжения [Безрукова, 2025, с. 79–88]. Примером современного многожанрового произведения является роман Джонатана Коу «What a Carve Up!». Готическая доминанта пространства является одним из мотивов-доминант готической традиции, к которой, по мнению Б.Р. Нацпок, относятся замок, монастырь, руины, дороги (пути), подземелья и темницы, замкнутые пространства, леса [Нацпок[9], 2016, с. 313], которые являются

[1] Coe J. (2014). What a Carve Up! London, Penguin Books. 512 p. Далее в круглых скобках будут указаны страницы, соответствующие данному источнику.
[2] URL: https://dictionary.cambridge.org/
[3] URL: https://www.ldoceonline.com/
[4] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/
[5] Москвин В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс: учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
[6] Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
[7] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов [Электронный ресурс]. 13-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.
[8] Банина Н.В., Мельничук М.В., Осипова В.М. Основы теории и практики стилистики английского языка: учебник. М.: Финансовый университет, 2017. 136 с.
[9] Нацпок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика (на материале английской литературы): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2016. 476 с.

точками завязывания и местами свершения событий. В них не только отражается архитектурная фактура, но и концептуально реализуются разнообразные литературные, философские, культурные идеи» [Нацпок, 2016, с. 403–404]. В.А. Аверьянова, О.В. Щербакова рассматривают понимание текста как реконструкцию его имплицитных смыслов [Аверьянова, Щербакова, 2022, с. 43], лингвостилистический анализ, позволяющий учесть как уровневую организацию имплицитных смыслов текста, так и составляющие ее элементы с различной семантической структурой [Аверьянова, Щербакова, 2022, с. 47]. Ученые, опираясь на исследования Д. Майелла, указывают на невозможность составить представление о механизмах текста без учета стилистических и эстетических элементов его смысловой структуры. Такими элементами, по их мнению, являются метафоры, образные сравнения, вербальная ирония и т.д. [Там же, с. 51]. Научный интерес в данной статье сфокусирован на стилистических особенностях объективации доминанты готического пространства как проекции современного урбанистического пространства. В рамках данного исследования под урбанистическим ландшафтом (доминантами пространства) в широком смысле понимается совокупность визуально и функционально организованных планировочных осей города, элементов городской среды (здания, парки и т.д.), воспринимаемая как целостная картина города и формирующая ориентиры, иерархию городского пространства; в узком, контекстуальном, – это проекция готических доминант пространства (выполняющих роль смысловых центров и визуальных опор в произведении) на современный урбанистический ландшафт (замок/заточение – квартира; лабиринт – урбанистический мегаполис, современный парк и т.д.), представляющая собой с лингвистической точки зрения комплекс лексико-семантических и стилистических единиц, несущих заданные автором имплицитные смыслы. Под объективацией понимается процесс как экспликации языковых и стилистических единиц, с помощью которых автор описывает эти доминаты, так и определение их функционально-смысловой значимости в раскрытии смыслов романа. Язык романа становится тем инструментом, с помощью которого автор создает готику настоящего, где страх порождается не только призраками прошлого, готическими замками Блэкшоу Тауэрз и Уиншоу Тауэрз [Елина, Штейнгарт, 2026, с. 166–168], но и современным мегаполисом. Лондон конца XX в. превращается в лабиринт, в один огромный готический «замок», замки (квартиры), лабиринты (парки) которого таят опасности, порожденные городской средой, где и разворачивается трагедия главного героя Майкла Оуэна – неудачливого писателя, находящегося в глубоком экзистенциальном и творческом кризисе, одинокого, потерянного человека с депрессией. Квартира, парк – одни из элементов этого лабиринта, такие же подавляющие, ужасающие, готические, как и традиционные готические старинные замки, лабиринты.

Квартира. Квартира Майкла Оуэна – одна из доминант пространства в романе (замкнутое пространство). Автор наделяет квартиру имплицитными готическими характеристиками, ассоциируя ее с замком, заточением, что находит отражение в ее описании языковыми и стилистическими средствами. Квартира Майкла – это типичное лондонское жилище, скромное и небольшое с присущими индивидуальными чертами. Описывая квартиру от лица самого Майкла, автор романа, с одной стороны, раскрывает психологическое состояние главного героя, изображает его образ жизни, погружает читателя в сокровенные мысли героя, его мировосприятие, переживания, чувства и эмоции, а с другой – подчеркивает его добровольное заточение в квартире как в замке, его отчуждение, социальную изоляцию, отстраненность от жизни и одержимость прошлым. Сам Майкл отмечает, что его комната в квартире схожа с его выражением лица, отраженным в кухонном окне, которое он описывает как: *The night was slowly darkening, and from the kitchen sink the first thing I could see was my own reflected face, hovering like a spectre outside my fifth-floor window. …The eyes were*

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

puffy from lack of sleep and bloodshot from too much glassy staring at the television screen; deeply scored lines were beginning to appear around the corners of the mouth… It wasn't a friendly face: the eyes, a deep, velvety blue, might once have suggested wells of possibility but now seemed guarded, fenced off (p. 56) / *Медленно сгущались сумерки, и первым делом, стоя у раковины, я увидел отражение собственного лица, зависшее словно призрак за моим окном на высоте пятого этажа… Опухшие глаза от недосыпа, налитые кровью от бесконечного тупого пристального пяления в телевизор; в уголках рта начали вырисовываться глубокие борозды… Лицо не дружелюбное: глаза, глубокие и бархатисто-синие, возможно, и намекали на некогда существовавший огромный потенциал, но теперь казались настороженными и отчужденными* (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – *Е.Е.*, *Е.Ш.*). В данном отрывке Дж. Коу прибегает к дескрипции общей атмосферы наступающей ночи, напоминающей готическую: наступление сумерек, нагнетание предчувствия, и на этом фоне в окне Майкл, который ведет повествование, видит отражение своего лица, подобное готическому призраку. Дж. Коу изображает отстраненность Майкла, его внутренний разлад, создавая готическую ауру с помощью комбинации стилистических средств: 1) сравнения с маркером-предлогом like 'подобно' и с антропоморфизацией объекта, которая «оживляет», то есть «приписывает свойства одушевленного неодушевленному предмету» [Вилкова, 2023, с. 226], и «позволяет понять и опытно пережить что-либо через характерные черты другого, получая мир "наизнанку", где неживое владеет ситуацией и действует…» [Там же, с. 227], одновременно сравнивая отраженное лицо в окне с призраком: *reflected face hovering like a spectre* / *отраженное в окне лицо*, *парящее в воздухе подобно привидению/призраку*. Готическая лексема spectre с денотатом 'привидение, призрак, фантом, дурное предчувствие, предзнаменование' и с коннотативным значением 'призрачности, смерти, прошлого' в связке с глаголом to hover 'парить' позволяет автору наделить ее признаком одушевленности. В результате отраженное лицо в окне трансформируется в призрак, одушевленную сущность, способную парить в воздухе. Все это, с одной стороны, отражает состояние героя (он физически существует, но ощущает себя отчужденным – классическая готическая техника вскрытия внутреннего состояния персонажа через отражение в окне), а с другой – позволяет представить квартиру как «обитаемую» призраком; 2) эпитетов, выполняющих «две основные функции: определение признака изображаемого явления (характеризующая функция) и выражение эмоциональной окраски (экспрессивная функция)» [Сиразиева, Дульмухаметова, 2024, с. 4048–4049]: *puffy*/*опухшие*, *bloodshot*/*воспаленные, налитые кровью*, *guarded, fenced off*/ *настороженные, отчужденные* (о глазах) с детализацией причин такого состояния глаз: отечность из-за недосыпания, усталость, воспаление из-за *оцепененного, стеклянного, неподвижного взгляда*/*glassy staring* на телевизор, *deeply scored*/*глубоко проявленные* (о морщинах) – результат обдумывания, задумчивости, глубоких размышлений; 3) антитезы с метафорами *the eyes, a deep, velvety blue, might once have suggested wells of possibility* versus *now seemed guarded, fenced off*/ *глаза, глубокие и бархатисто-синие, возможно, и намекали на некогда существовавший огромный потенциал* versus *теперь казались настороженными и отчужденными*, которая является основным композиционным приемом фрагмента, через которую раскрывается сопоставление прошлого и настоящего: *once have suggested*/ *когда-то напоминали/намекали* versus *now seemed*/*теперь казались*, *wells of possibility*/ *колодцы возможностей, огромный потенциал* versus *guarded, fenced off*/*настороженные/ охраняемые, отчужденные/огороженные* глаза, которые когда-то были *deep, velvety blue*/ *глубокими и бархатисто-синего* цвета, традиционно ассоциируемого с мечтательностью, глубиной, интеллектом, и с оттенком *velvety*/ *бархатного*, добавляющего им ощущение мягкости, притягательности, благородства, а теперь превратились в *guarded, fenced off* / *охраняемую*

крепость/ограду. Все это указывает, что былая привлекательность и глубина не исчезли физически, а стали скрытыми для внешнего наблюдателя. Именно антитеза, умело сконструированная автором романа на противопоставлении, транслирует психологическую драму персонажа, которая заставила героя не просто выстроить защитные барьеры, но и ощутить потерю прежнего я, связи с миром, утрату потенциала, надежд; 4) фраза *wells of possibility*/*колодцы возможностей, огромный потенциал* является языковой реализацией концептуальной контейнерной метафоры на тех основаниях, что она проецирует когнитивную структуру конкретной области-источника (ВМЕСТИЛИЩЕ – КОЛОДЕЦ) на абстрактную область-цель (СУБСТАНЦИЯ (ТО, ЧТО ВНУТРИ) – ВОЗМОЖНОСТИ/ПОТЕНЦИАЛ) [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 55–56; Черемисова, 2019, с. 189], поскольку целый набор признаков колодца (глубина, черпание, ресурс) логично переносится на возможности – это то, как автор структурирует понятие возможности, представляя глаза Майкла, как колодцы, в виде емкого ресурса – источника глубины, потенциальных возможностей, но которые в силу определенных жизненных обстоятельств исчерпались. Ощущение заброшенности в квартире, подобно заброшенному готическому замку, создается благодаря следующим стилистическим приемам: 1) фраза *a mixture of carelessness and disuse* / *смесь небрежности и заброшенности, полное безразличие и запущенность* (о комнате), с одной стороны, является метафорой, поскольку лексема mixture ‘смесь’ в прямом смысле относится к физическому соединению веществ, и в контексте описания комнаты овеществляет (смешивает) два абстрактных понятия: небрежность и заброшенность, неиспользование (из-за отсутствие ухода), а с другой – метонимическим сдвигом: небрежность – свойство, характеризующее человека, но приписываемое самой комнате. Заброшенность, явившаяся результатом бездействия человека (Майкла), подается автором как свойство общей атмосферы квартиры. Метафора и метонимия репрезентируют состояние квартиры и причину такой заброшенности, а это прямой перенос готической доминанты пространства – заброшенного замка – на современное жилье; 2) оценочные эпитеты *ungainly and almost eerily neutral*/*несуразный, нелепый и пугающе безличный* (о комнате) характеризуют пространство квартиры как одновременно несуразное и пугающе безличное; оценочный эпитет *stale*/*с затхлым запахом* (о мусоре), обычно употребляющийся в коллокации a stale bread *‘не свежий, черствый хлеб’*, переносит запах на объект, который, как правило, не описывается этим словом, акцентируя, застойность, ощущение давности и несвежести; страдательное причастие *stacked*/*загроможденный* (о поверхностях) со значением ‘состояние как результат действия’, то есть накопление, указывает на беспорядок, человеческую инертность; два однородных определения *jumbled, scattered*/*сваленные в кучу, разбросанные* (о книгах) усиливают идею беспорядка и визуального образа неухоженности; страдательное причастие *piled*/*наваленный* (о видеопленках) (p. 57–58) от глагольной лексемы to pile up ‘накапливать’ создает образ заброшенности и указывает на способ размещения видеопленок. Майкл отмечает, что его квартира – место одиночества, добровольного заточения, а пульт дистанционного управления и телевизор через антропоморфизацию – стилистическую фигуру, состоящую в том, что при описании животных или неодушевленных предметов они наделяются человеческими чувствами, мыслями и речью (антропоморфизм) [Вилкова, 2023, с. 225], – становятся его лучшими друзьями: *my two friends, my trusted companions* (p. 59) / *мои два друга, мои надежные компаньоны*, – что характеризует эмоциональное состояние героя, а притяжательное местоимение *my* подчеркивает личную связь персонажа с этими предметами, выполняющими роль эмоциональной опоры, что в целом рисует картину одиночества, зависимости от техники как заместителя общения.

Восприятие Майкла обусловлено просмотренными видеосюжетами и наполнено мистикой. Майкл сам замечает, что он видит настоящее через призму прошлого – еще один из приемов готической техники. Например,

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

Фиона – его гостья – предстает на пороге его квартиры не как реальный человек, а как образ, давно забытое воспоминание об ушедшем предке: *something about her was starting to take on a distant familiarity, the origins of this feeling were obscure, and tasted less of day-to-day encounters on the staircase than the sensation, perhaps, of being presented with a photograph of a long-dead ancestor, in whose sepia features it might just be possible to detect the ghost of a family resemblance* (p. 53) / *что-то в ней было отдаленно знакомое, происхождение этого ощущения оставалось неявным: оно отдавало не столько повседневными встречами на лестнице, сколько тем чувством, когда тебе показывают снимок давно усопшего предка, выцветшие очертания которого могут служить трагическим напоминанием о семейном сходстве.* Фрагмент текста содержит несколько стилистических приемов, работающих на идею воспоминания: 1) *distant familiarity/отдаленная/далекая узнаваемость* – оксюморон, в котором соединяются два семантически противоположных понятия: *familiarity/близкое, узнаваемое* и *distant/далекое, недоступное*. Майкл узнает что-то в Фионе, но это не очень ясное и далекое узнавание создает атмосферу тайны, смутности и эмоциональной дистанции, несмотря на физическое присутствие Фионы в квартире; 2) синестетическая метафора во фразе *and tasted less of day-to-day encounters... / и отдавало/имело привкус не столько повседневными встречами…* используется автором для придания этому абстрактному чувству / *this feeling* вкусового ощущения, выраженного глагольной лексемой to taste ‘иметь привкус, отведывать, испробовать, чувствовать вкус’, и позволяет закрепить в речи абстрактные понятия, являющиеся результатом взаимодействия ощущений и информации, полученной от различных органов чувств, и продуктом ментальной и эмоциональной сферы, которые иначе недоступны непосредственному наблюдению, а также понять внутренний мир автора, особенности его мышления, его пристрастия, наклонности [Каторгина, Ромашина, 2018, с. 4–6]; 3) сравнение с антитезой переводит ощущение в историко-генеалогическую плоскость: сравнение поддерживается с помощью грамматической конструкции *less... than*, а антитеза строится на противопоставлении *day-to-day encounters on the staircase* / *опыта мимолетных, обыденных встреч на лестничных площадках* versus *photograph of a long-dead ancestor* / *опыта статичного, зафиксированного на фотографии (как воспоминания о давно ушедшем в мир иной предке) и хранящегося в памяти*. При этом автор намекает не на краткосрочную память Майкла, а на что-то унаследованное, родовое, почти мистическое; 4) фраза *sepia features* / *сепиевые черты* – это метафора времени, давности, так как цвет сепии / *sepia* имеет коричневатый оттенок старых фото, и отсюда посыл, что черты лица на такой фотографии неясны, размыты, как и само воспоминание Майкла; 5) в метафоре *the ghost of a family resemblance / призрак семейного сходства ghost/призрак* обозначает неосязаемость, эфемерность, а *resemblance/сходство* – едва уловимое сходство и даже оттенок потусторонности, *a family resemblance* / *семейное сходство* отсылает читателя к роду, общим корням: Майкл ощущает в Фионе не только знакомую личность, но и знакомые черты, имеющие общие корни. Всей фразой через стилистические приемы Дж. Коу передает неуловимое психологическое состояние Майкла: непрямое, опосредованное и глубоко тревожное узнавание. Обе метафоры оформляют это ощущение Майкла как нечто призрачное, уходящее корнями в общее прошлое. Позже Майкл пытается выключить образ Фионы, направив на нее пульт телевизора, поскольку Майкл чувствует внезапное и непреодолимое желание остаться одному и испытывает облегчение от ухода Фионы, выраженное во фразе *loneliness was mingled with relief* / *одиночество смешивалось с облегчением*. Обычная городская жизнь за окном городской квартиры описывается Майклом в духе готического хоррора, как зловещая. *It was a muggy August evening, entirely typical of a summer which seemed to be taking a malicious pleasure*

in testing Londoners to the limit, drenching them day and night in dense city heat… I listened to its intermittent rustles and scuffles, the only distinct sounds to be made out, apart from the occasional siren, above London's buried monotonous hum (p. 57). / Душный августовский вечер, типичный для лета, которое, казалось, злобно издевалось, испытывая лондонцев на выживаемость, день и ночь накрывая их волнами удушающей городской жары… Я прислушался к прерывистым шорохам и шелестам – если не считать периодического воя далеких сирен, другие звуки не прорывались сквозь погребенный монотонный гул Лондона. В описании вида из окна присутствует персонификация лета/*a summer*, которое наделено автором человеческими, злонамеренными качествами и описывается как мистическая коварная сила: *seemed to be taking a malicious pleasure…, drenching them day and night in dense city heat / лето, казалось, злорадно услаждалось тем, что испытывало лондонцев на прочность.., накрывая их волнами удушающей/густой городской жары*, что усиливает ощущение беспомощности и дискомфорта в городской среде; 2) *drenching them day and night in dense city heat / заливая их днем и ночью густым городским жаром* – гипербола, которая передает предельную интенсивность жара/жары, выраженная глагольной лексемой to drench '*заливать, пропитывать*', обычно о жидкости, и создает мощный сенсорный образ: жар становится осязаемой, влажной, удушающей субстанцией, в которой тонут люди, и поддерживается: а) эпитетом *dense*/*густой*, *плотный*, делающий жар почти физическим препятствием для дыхания, что типично для городского смога от асфальта, транспорта и скопления людей; б) аллитерацией: шипящие и свистящие звуки *[s], [r] [f]* в словах ***r**us**t**les, scu**ff**les, **s**iren, **s**ummer* имитируют звуки города и лета: шелест, шорох, скрежет, вой сирены, – создавая акустический фон и погружая читателя в звуковую урбанистическую среду; в) контрастом звуков *intermittent rustles and scuffles... occasional siren... summer* versus *buried monotonous hum*, который основывается на противопоставлении четких, отрывистых звуков *[s], [r] [f]* глухому, монотонному, фоновому *гулу / buried monotonous hum*, что означает одиночество и затворничество Майкла: он прислушивается к редким, отдельным звукам, в то время как город живет своей жизнью, производя единый звук; г) эпитетом *buried*/*погребенный,* с помощью которого воспроизводится городской шум как нечто глубинное, подземное, свойственное подземелью, как само дыхание, биение сердца мегаполиса и который усиливается эпитетом *monotonous*/*монотонный*, тем самым подчеркивая угнетающее влияние этого шума на психику главного героя.

Пространство парка. Пейзаж. По мнению Д.С. Лихачева, пространство определяет движение действия сюжета [Лихачев, 1979, с. 236] и объединяет объемные универсалии – образ человека, время и пространство. Перцептуальное пространство в готическом произведении представляет собой готический топос [Нацпок, 2016, с. 155–158]. Именно здесь фокусируются эмоции, настроения, фантазии, несущие определенную семантическую нагрузку. К готической пространственной структуре относится пейзаж – описание незамкнутого пространства внешнего мира, который помогает наряду с другими изобразительными средствами выполнять важную идейно-композиционную роль, создавая словесно-художественную образность и раскрывая идейный замысел писателя. В соответствии с готической традицией пейзаж в романе полифункционален. С одной стороны, пейзаж выполняет, как элемент готики, психологическую функцию, цель которой заключается в создании пейзажа души или пейзажа личности персонажа, то есть в раскрытии внутреннего мира, эмоционального состояния героев. С другой – готические пейзажные сюрреалистические и импрессионистические картины обозначают место и время действия, природные явления, навеянные тайной, тревогой, и мотивируют сюжет.

Одним из открытых/незамкнутых пространств в романе является парк рядом с квартирой главного героя романа Майкла Оуэна. Парк Баттерси находится в лондонском районе

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

Уондсворт, расположенном на южном берегу реки Темзы. При описании парка Дж. Коу использует несколько стилистических приемов. Парадоксальность и пародийность пространства парка передается с помощью стилистического приема антитезы, резкого противопоставления, контраста образов. Эта семантическая фигура речи служит проявлением когнитивной активности человека, стремящегося постичь причинно-следственные связи между элементами объективного мира [Гиоева, 2008, с. 131]. Антитеза позволяет ярче подчеркнуть когнитивный диссонанс в сознании Майкла в восприятии пространства парка. Казалось бы, такое пространство должно быть местом отдыха горожан, где щебечут благородные птицы, бегает ребятня, слышен смех, а иногда и наступает тишина. Но парк в романе – это иллюзия такого отдыха, благополучия, праздника. По мнению главного героя Майкла, это непристойная пародия на то, о чем мечтают люди. Оценочный эпитет *scurrilous parody* (p. 60) / *непристойная, издевательская, гнусная пародия* характеризует пародию как оскорбительную, как нечто, переходящее все границы. Для передачи полноты парадокса включается в работу антитеза: *The mood seemed to be one of festivity, with just a distant hint of tension and resentment perhaps because the heat verged, as usual, on the unbearable, or simply because we all knew in our hearts that this was not the best place to be trying to enjoy it* (p. 60) */ Настроение казалось праздничное, с легким оттенком напряжения и негодования – возможно, потому, что жара, как обычно, была на грани невыносимого, или просто потому, что в глубине души мы все понимали, что это не лучшее место, чтобы пытаться ею насладиться*. Автор противопоставляет понятия *mood of festivity / праздничное настроение* versus *tension and resentment / напряжение и негодование*, *недовольство*, создавая ощущение, что за общим весельем скрываются негативные эмоции, возможно, проблемы. Антитеза указывает на то, что люди в парке находятся в иллюзорном мире, в глубине души они чувствуют напряжение, отчуждение и даже негодование. В примере ярко продемонстрировано нарастание интенсивности физического и психологического дискомфорта с использованием семантического стилистического приема восходящей градации, основанной на особенностях расположения слов [Смбатян, Абакумова, 2020, с. 218]: *heat / жара – verged on the unbearable / была на грани невыносимой – this was not the best place to be trying to enjoy it / это не лучшее место, чтобы пытаться ею (жарой) насладиться.* Конструкция *with a hint of* смягчает контраст, выраженный антитезой, и подчеркивает, что негативные эмоции, хотя не превалируют в данной ситуации, но формируют общий фон атмосферы парка, а вводное слово *as usual* указывает на рутинность и повторяемость ситуации дискомфорта, зарождая чувство безысходности. Фраза *this was not the best place to be trying to enjoy it* является эллипсисом, синтаксической разговорной конструкцией, функция которой – заставить читателя додумывать логическую связь, поскольку в ней не содержится эксплицитное следствие [Смбатян, Абакумова, 2020, с. 218]. Во фразе *we all knew in our hearts* описано коллективное сознание отдыхающих в парке группы людей с их невысказанными мыслями. Писатель направляет читателя от внешних причин напряжения и растущего негодования *heat*/*жара* к внутренним *we all knew in our hearts*. При этом автор, используя прием повтора сочетания слов *perhaps because* / *возможно, потому*, *что*, *simply because* / *просто потому, что*, создает намеренную неопределенность, не давая однозначного объяснения причин недовольства и напряжения, оставляя это на усмотрение читателей, что производит эффект недосказанности и заставляет задуматься о прагматике такого авторского хода. На наш взгляд, такая комбинация приемов позволила автору в одном предложении передать двойственную ситуацию: веселья, которое было подорвано физическим дискомфортом, и глубинного понимания фальшивости этой веселости. Следующая антитеза глубже раскрывает идею такой пародии: *But here, instead of that enchanted silence which we had*

taken so much for granted, I heard the rattling of lorries and the thunder of passing aeroplanes, and there were no sparrows or starlings to watch us from the trees, just strutting city pigeons and fat black rooks the size of small chickens (p. 61) */ Но здесь, вместо той зачарованной тишины, которую мы так часто принимали как должное, я слышал дребезжание, грохот грузовиков и грохот пролетающих самолетов, и не было ни воробьев, ни скворцов, которые бы наблюдали за нами с деревьев, только важные городские голуби и толстые черные вороны размером с небольших цыплят*. Автор через противопоставление *enchanted silence* versus *the rattling of lorries and the thunder of passing aeroplanes* рисует картину утраченного покоя, тихого мира природы, вытесненного миром города и технологическим прогрессом. Для того чтобы читатель физически ощутил этот контраст, были выделены следующие приемы: 1) олицетворение, выраженное словом *strutting* во фразе *strutting city pigeons* / *важно вышагивающие голуби,* которое придает голубям человеческие черты – самодовольство и чванливость, создавая негативный образ; 2) метафоры: а) *enchanted silence* / *зачарованная тишина* – метафора, передающая ощущение волшебства, умиротворения, б) *the thunder of aeroplanes / грохот самолетов* сравнивается с громом, чтобы подчеркнуть громкость, шум, разрушительные для покоя; 3) сравнение *rooks the size of small chickens / вороны размером с небольших цыплят* делает образ ворон неестественно крупным и пугающим; 4) фонетические стилистические средства: а) звукоподражание реализуется словом *rattling/дребезжащий*, *грохочущий*, которое звучит резко, имитируя шум; б) аллитерация (повтор согласных) усиливает ощущение беспокойства из-за повтора звука [***t***] в словах *jus**t** s**t**rutting ci**t**y,* производящего резкий, отрывистый звук, а в словах *hea**r**d, **r**attling of lo**rr**ies* рычащий звук [***r***] передает грохот и рычание самолетов. В этом открытом пространстве вместо ожидаемой завораживающей тишины Майкл слышит громыханье грузовиков и гул пролетающих самолетов. Автор выстраивает градацию шумов от наземных – грохот грузовиков – до воздушных – гул самолетов, – создавая ощущение полного окружения, из которого нет выхода. Дж. Коу не случайно акцентирует внимание читателей и самого Майкла на грохоте самолетов. Майкл с детства знаком с темой самолетов, а его любимый герой Юрий Гагарин погиб в авиакатастрофе при выполнении тренировочного полета [Шарова, 2006, с. 21]. Писатель связывает в одну сюжетную цепочку трагическую смерть Ю. Гагарина, гул самолетов, двойственную атмосферу в парке, намекая, что они являются предвестниками последующих ужасных событий. В конце романа именно самолет окажется орудием убийства самого Майкла. Описанные приемы, считаем, раскрывают внутреннее состояние персонажа: его напряженность, противоречивость, измененность сознания в восприятии реальности, помогая, таким образом, создать автору противоречивый художественный образ Майкла. Далее автор нагнетает атмосферу предчувствия ужасных событий, которая усиливается за счет того, что загорающие в парке вдруг напоминают Майклу зомби, что является одним из маркеров готики: *their heads throbbed to the beat of the sun and the deadening pulse of their ghetto-blasters and personal stereos* (p. 60) */ их головы тряслись в такт солнцу и заглушающему пульсу их гетто-бластеров* (больших переносных магнитофонов с радиоприемником, ассоциирующихся с городской молодежью. – *Е.Е.*, *Е.Ш.*) *и персональных стереосистем*, что передается как эпитетом *deadening* / *заглушающий*, характеризующим свойство пульсации от стереосистем и выполняющим описательную, оценочную и эмоциональную функции, так и метафорами *throbbed*/*тряслись, beat*/такт, *pulse*/*пульс* за счет переноса пульсации сердца по сходству значения на головы персонажей как отдельных существ, движения которых синхронизируются с музыкой. С помощью эпитета и метафор улавливается посыл автора о том, что его главный персонаж эмоционально и психологически неустойчив и сравним с зомби.

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

Заключение. Анализ произведения Дж. Коу «Какое надувательство!» выявил, что одним из основных элементов готической традиции явилась готическая доминанта пространства, проекцией которой в произведении стали такие составляющие современного урбанистического ландшафта, как квартира – заброшенный готический замок, парк, лондонская городская среда – лабиринт. В соответствии с готической традицией пространственные доминанты квартиры, городского парка превращаются в символические образы фатума, предопределенности, внутреннего напряжения, трагичности и безысходности. Автор романа умело пользуется приемами готической техники для создания готической атмосферы и антуража в современных урбанистических локациях: от призрака, появившегося от собственного отражения главного героя в окне, до психологизации пространства, которая строится на субъективности восприятия этого пространства Майклом (глубокая неудовлетворенность окружающим, абсурдность и жестокость городской среды, ощущение себя узником пространства, предчувствие беды). Дж. Коу использует целый набор приемов для изображения такого «перевернутого» субъективного восприятия: отдыхающие в парке видятся как «зомби», лето как жар на грани невыносимого наделяется мистической коварной силой, грохот самолетов воспринимается как громовой и др., которые становятся предвестниками трагического развития сюжетной линии.

Уникальной чертой техники повествования Дж. Коу является его умение сочетать различные языковые и стилистические средства для создания специфичной для готики атмосферы в репрезентируемых автором пространственных доминантах, объективация которых позволила выявить следующие стилистические средства и их функционально-смысловую значимость. Так, например, в описании атмосферы квартиры и парка сочетались оценочные и описательные эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворение, антитезы, а также такие фонетические средства, как звукоподражание и аллитерация. За счет функционально-смысловой нагрузки выявленные стилистические средства, объективирующие доминанты современного урбанистического пространства в готической традиции (квартира, парк), работают как мощное средство выражения внутреннего мира персонажа через внешний мир, как средство создания имплицитных смыслов, как ключ к пониманию всей сути произведения, основных идей романа, таких как кризис творчества, всеобъемлющее чувство обмана в британском обществе, отчуждение, анонимность городской жизни: современный человек живет в своей квартире – «замке», бродит по парку – «искусственно созданному раю», оставаясь один на один со своими проблемами.

За рамками исследования остаются не изученными такие готические мотивные комплексы, как пространственный (подземелье, темница), мистический (мотив найденной рукописи (манускрипта) и сновидений), и лингвостилистические средства их репрезентации, что, на наш взгляд, составляет перспективу исследования.

Библиографический список

1. Аверьянова В.А., Щербакова О.В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смысловых вербальных текстов // Вопросы психолингвистики. Ч. 1. 2022. № 3. С. 42–61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-tekstom-i-chitatelem-instrumentariy-dlya-izucheniya-ponimaniya-implitsitnyh-smyslov-verbalnyh-tekstov-chast-1 (дата обращения: 30.04.2026).
2. Безрукова В.В. Готический роман: истоки и эволюция // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 78–96. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-78-96 (дата обращения: 30.04.2026).
3. Вилкова А.В. Олицетворение как разновидность метафоры в современных стихотворениях в прозе // Современное педагогическое образование. 2023. № 2. С. 225–229. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/olitsetvorenie-kak-raznovidnost-metafory-v-sovremennyh-stihotvoreniyah-vproze (дата обращения: 30.03.2026).

4. Гиоева Л.Н. Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 3. С. 131–134. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ antiteza-i-ee-rol-v-lineynyh-i-vertikalnyh-strukturah-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 25.02.2026).
5. Елина Е.Н., Штейнгарт Е.А. Языковые и стилистические изобразительные средства репрезентации элементов семантики готической традиции в романе Дж. Коу «Какое надувательство!» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2026. № 1. С. 163–178. EDN: XBSGRY
6. Каторгина Д.Ю., Ромашина О.Ю. Синестезия как стилистическое средство в русском и английском художественном дискурсе // Universum: Филология и искусствоведение. 2018. № 5. С. 4–6. EDN: XONZTN
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.
9. Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции // Язык и текст. 2022. Т. 9, № 2. С. 22–35. DOI: https://doi.org/10.17759/langt.2022090203
10. Сиразиева З.Н., Дульмухаметова Г.Ф. Стилистические средства в создании образов героев и атмосферы в произведении С. Хаддоу «Большой сюрприз для маленького кролика» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. С. 4048–4049. Т. 17. Вып. 11. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20240570
11. Смбатян Э.С., Абакумова И.А. Стилистические средства и подходы к их классификации // Современные вызовы и перспективы молодежной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 7 июля 2020 г.). Петрозаводск: Новая Наука, 2020. С. 216–221. EDN: DJPVLU
12. Храмова Ю.А. «Какое надувательство!» Джонатана Коу как постмодернистский детектив // Новая Серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. Вып. 3. Т. 16. С. 317–321. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kakoe-naduvatelstvo-dzhonatana-kou-kak-postmodernistskiy-detektiv (дата обращения: 02.04.2026).
13. Черемисова Е.А. Специфика использования компаративных средств (образных сравнений и метафор) в романе Нэнси Митфорд Pigeon Pie // Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. 2019. С. 188–192. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ispolzovaniya-komparativnyh-sredstv-obraznyh-sravneniy-i-metafor-v-romane-nensi-mitford-pigeon-pie (дата обращения: 02.04.2026).
14. Шарова Н.А. Лингвистические особенности романа Джонатана Коу «What a Carve up!» // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-romana-dzhonatana-kou-what-a-carve-up (дата обращения: 02.03.2026).
15. Abu Enein, G.F.R. (2025). The evolution of the gothic novel in English literature. *Forum for Linguistic Studies*, *7* (12), 26–35. DOI: https://doi.org/10.30564/fls.v7i12.11700
16. Leech, G. (2014). *Language in Literature. Style and foregrounding*. Location London. 234 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315846125
17. Leech, G., & Short, M. (2007). *Style in fiction. A linguistic introduction to English fictional prose*. Pearson Education Limited. 397 p.
18. Wales, K. (2014). *Dictionary of Stylistics*. London Location. 496 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315833507

STYLISTIC DEVICES FOR OBJECTIVATING THE GOTHIC SPATIAL DOMINANT IN J. COE'S NOVEL "WHAT A CARVE UP!"

E.N. Elina (Krasnoyarsk)
E.A. Shteyngart (Krasnoyarsk)

Abstract

Statement of the problem. Authors often encode implicit meanings in works of fiction using specific linguistic and literary techniques. J. Coe's novel "What a Carve Up!" is no exception, masterfully employing a combination of elements of the Gothic tradition, particularly the Gothic spatial dominance as a projection of the modern urban landscape, which carries important textual and semantic load, and the stylistic devices that verbalize this Gothic dominance. The objectification of the stylistic devices through which the author represents the Gothic spatial dominance and encodes the implicit meanings of the work determines the relevance of this study.

The purpose of the study is to identify stylistic devices that objectify the Gothic spatial dominance as a projection of the modern urban landscape and to determine their functional and semantic significance in the author's encoding of implicit meanings in the novel "What a Carve Up!"

A review of the scientific literature revealed a significant number of studies on the Gothic novel, but a small volume of scientific literature on the linguistic features of this novel. A comprehensive analysis of the stylistic devices that objectify the Gothic spatial dominance as a projection of the modern urban landscape in the novel is lacking. This study is an attempt to fill this gap in this area of research.

The methodological basis of the study was formed by the following scientific fields: linguostylistics, cognitive linguistics, and literary criticism.

The results of study demonstrate that the identified stylistic devices both lexical, phonetic, and syntactic (metaphorical constructions, personifications, epithets, hyperbole, oxymoron, alliteration, antithesis) were used by the novel's author to create a Gothic spatial dominance as a projection of the modern urban landscape, with the goal of encoding certain implicit meanings.

Conclusions. An analysis of the complex of stylistic devices objectifying the Gothic spatial dominance as a projection of the modern urban landscape revealed their functional and semantic potential as a tool for the author to construct implicit meanings in the work, such as alienation, anonymity, and other problems of urban life in a modern urban metropolis.

Keywords: *Gothic spatial dominant, antithesis, metaphorical construction, personification, epithet, hyperbole, oxymoron, alliteration*.

Elina, Elena N. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); email: elena-elina2008@yandex.ru
Shteingart, Elena A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); email: shteyngarte@mail.ru

References

1. Averianova, V.A., & Shcherbakova, O.V. (2022). Between the text and the reader: A toolkit for studying the comprehension of implicit semantic verbal texts. *Voprosy psikholingvistiki. Chast 1* [Psycholinguistics Issues. Part 1], *3* (53), 42–61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-tekstom-i-chitatelem-instrumentariy-dlya-izucheniya-ponimaniya-implitsitnyh-smyslov-verbalnyh-tekstov-chast-1 (access date: 30.04.2026).
2. Bezrukova, V.V. (2025). The Gothic novel: Origins and evolution. *Otechestvennaya Philologiya* [Russian Philology], *2*, 78–96. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-78-96 URL: https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/2445 (access date: 20.04.2026).
3. Vilkova, A.V. (2023). Personification as a type of metaphor in modern prose poems. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], *2*, 225–229. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/olitsetvorenie-kak-raznovidnost-metafory-v-sovremennyh-stihotvoreniyah-v-proze (access date: 30.03.2026).

4. Gioeva, L.N. (2008). Antithesis and its role in linear and vertical structures of fiction. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov], *3*, 131–134. URL: https://cyberleninka. ru/article/n/antiteza-i-ee-rol-v-lineynyh-i-vertikalnyh-strukturah-hudozhestvennogo-teksta (access date: 25.02.2026).
5. Elina, E.N., & Shteyngart, E.A. (2026). Linguistic and stylistic figurative means of representing elements of the semantics of the Gothic tradition in J. Coe's novel "What a Carve Up!". *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev], *1* (75), 163–178.
6. Katorgina, D.Yu., & Romashina, O.Yu. (2018). Synesthesia as a stylistic device in Russian and English artistic discourse. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art Criticism], *5* (51), 4–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sinesteziya-kak-stilisticheskoe-sredstvo-v-russkom-i-angliyskom-hudozhestvennom-diskurse (access date: 20.03.2026).
7. Lakoff, J., & Johnson, M. (2008). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow, Russia.
8. Likhachev, D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Russia.
9. Murashkina, O.V., Dedova, O.M., & Kornev, V.A. (2022). Metaphorical epithets and their stylistic functions. *Yazyk i tekst* [Language and Text], *9* (2), 22–35. DOI: https://doi.org/10.17759/langt.2022090203
10. Sirazieva, Z.N., & Dulmukhametova, G.F. (2024). Stylistic devices in creating the images of characters and atmosphere in S. Haddow's "A Big Surprise for Little Rabbit". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], *17* (11), 4048–4049. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20240570 URL: https://philology-journal.ru/en/article/phil20240570/fulltext (access date: 01.05.2026).
11. Smbatyan, E.S., & Abakumova, I.A. (2020, July 7). Stylistic devices and approaches to their classification. In: *Sovremennye vyzovy i perspektivy molodezhnoy nauki* [Contemporary Challenges and Prospects of Youth Science] (pp. 216–221). International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, Russia.
12. Khramova, Yu.A. (2016). "What a Carve Up!" by Jonathan Coe as a postmodern detective story. *Novaya Seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [New Series. Series: Philology. Journalism], *3* (16), 317–321. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kakoe-naduvatelstvo-dzhonatana-kou-kak-postmodernistskiy-detektiv (access date: 02.04.2026).
13. Cheremisova, E.A. (2019). Specifics of the use of comparative means (Figurative comparisons and metaphors) in Nancy Mitford's novel Pigeon Pie. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie* [Bulletin of VSPU. Philological Sciences. Linguistics], *8* (141), 188–192. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ispolzovaniya-komparativnyh-sredstv-obraznyh-sravneniy-i-metafor-v-romane-nensi-mitford-pigeon-pie (access date: 02.04.2026).
14. Sharova, N.A. (2006). Linguistic features of Jonathan Coe's novel "What a Carve Up!". *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [VSU Bulletin, Series: Linguistics and Intercultural Communication], *2*, 17–21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-romana-dzhonatana-kou-what-a-carve-up (access date: 02.03.2026).
15. Abu Enein, G.F.R. (2025). The evolution of the gothic novel in English literature. *Forum for Linguistic Studies*, *7* (12), 26–35. DOI: https://doi.org/10.30564/fls.v7i12.11700
16. Leech, G. (2014). *Language in Literature. Style and foregrounding*. Location London. 234 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315846125
17. Leech, G., & Short, M. (2007). *Style in fiction. A linguistic introduction to English fictional prose*. Pearson Education Limited. 397 p.
18. Wales, K. (2014). *Dictionary of Stylistics*. London Location. 496 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315833507

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА